

Екатерина Кузнецова

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАХМАНИНОВА В ЭМИГРАЦИИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ КОМПОЗИТОРА

Дела мои финансовые – табак. Давно я не был в таком положении. И дети мои нуждаются, а мысль о них для меня самая горькая и тяжелая. Поневоле приходит в голову, что много дал денег на сторону – не обеспечив своих. Не дай бог, если и им это приходит в голову.

С. В. Рахманинов

Во время эмиграции Рахманинов активно помогал соотечественникам. В советских монографиях о композиторе широко афишируются только две составляющие его благотворительной деятельности – продуктовые посылки (см. [3, 503–504; 15, 116; 2, 352]) и концерты в пользу Советской армии¹. Такие акценты не случайны: они помогали реабилитировать «белоэмигранта» в глазах советской публики. Открытие в 1973 году ранее недоступной части архива Рахманинова в Библиотеке Конгресса США способствовало появлению новой информации; З. А. Апетян во вступительной статье и комментариях к «Литературному наследию» композитора упоминает видных деятелей культуры русского зарубежья, которым Рахманинов оказывал материальную поддержку, помогал в устройстве на работу, а также благотворительные фонды, с которыми он сотрудничал. Современные исследователи продолжают по крупицам восстанавливать картину масштабной деятельности композитора: помощи русской православной церкви в изгнании посвящено исследование С. Г. Зверевой [7]; богатый фактами очерк благотворительности Рахманинова, преимущественно в зарубежный период жизни и творчества, принадлежит Е. О. Казьминой [8]². Согласно точному

¹ Имеются в виду два концерта в Нью-Йорке: 1 ноября 1941 года и 7 ноября 1942 года; см. [3, 595–600; 15, 151–152; 2, 426–427, 429; 13, II, 34–36].

² Некоторые факты, приводимые Е. О. Казьминой, использованы и автором данной статьи. — *Ред.*

замечанию С. Г. Зверевой, «изучение истории русской музыки за пределами России после 1917 года неизбежно выводит и еще будет выводить исследователей на материалы, прямо или косвенно связанные с Рахманиновым. Причиной тому не только необычайно активная артистическая деятельность Рахманинова и популярность его творчества, но и его отзывчивость на чужую беду» [6, 29].

О благотворительной деятельности Рахманинова его современникам было известно очень мало. Нередки были обвинения в том, что он скряга и что гонорары его баснословно завышены. С. С. Прокофьев, например, записал в своем дневнике в конце 1927 года: «Состояние Рахманинова исчисляется уже в полтора миллиона долларов и он берёт за концерт по три тысячи долларов. Притом скуп как чёрт» [11, 598].

Богатого «буржуя»³ часто просили о материальной помощи, приглашали выступить в благотворительных концертах, поддержать тот или иной фонд. Так, во время летнего пребывания в Дрездене в 1922 году Рахманинов жаловался С. А. Кусевицкому: «Отдыха тут не было. Почти все время меня осаждали, причислив мою особу, как и Вы в своем письме, к “знатным иностранцам”. Положение это, как мне теперь доподлинно известно, совсем не из завидных» [13, II, 128].

О масштабе помощи, оказываемой Рахманинов своим соотечественникам как в России, так и за рубежом, знал только узкий круг лиц. Среди них — его секретарь Е. И. Сомов, на которого ложились заботы по переводу денег, Вл. Р. Вильшау, составлявший списки нуждающихся в Советской России, а также семья Рахманинова и люди, близко с ней связанные. Так, К. А. Сомов в 1924 году писал сестре: «Рахманинов блестяще устроился здесь, у него свой собственный дом и большие средства, но он очень много тратит на благотворительность русским» [16, 229]. Помимо уже упомянутых продовольственных посылок в Россию и концертов в пользу Советской армии, Рахманинов регулярно переводил деньги своим соотечественникам, выступал на благотворительных концертах, оплачивал учебу личных стипендиатов из числа талантливой эмигрантской молодежи, способствовал устройству соотечественников на работу, помогал с заказами художникам и скульпторам, покупал русскую живопись.

В 1921 году в Америке и Европе развернулась мощная кампания по отправке продовольственных посылок в голодающую Россию. В ней приняли участие многие состоятельные русские эмигранты, среди которых был и Рахманинов. Это стало возможно благодаря Американской администрации помощи (*American Relief Administration, ARA*). ARA — организация, существовавшая с 1919 года до конца 30-х годов XX века, — была создана по распоряжению президента Вудро Вильсона для реализации принятого в 1919 году «Закона о помощи голодающей Европе» (*European Famine Relief bill*), согласно которому США выделяли 100 миллионов долларов на поставку продовольствия и медикаментов для пострадавших европейских стран.

Деятельность организации в России началась в 1921 году, когда при содействии М. Горького между руководством ARA и наркомом М. М. Литвиновым был подписан договор о помощи. Помимо открытия пунктов питания для детей, ARA предоставила возможность всем желающим купить продуктовый купон за 10 долларов в американском банке, либо в офисах ARA в Европе и выслать его

³ Так Рахманинов часто называл сам себя в переписке с друзьями. «Материально я вполне обеспечен. Буржуй!» [13, I, 128] — писал он Вл. Р. Вильшау в 1922 году. С фразы «Разрешите мне, старому буржую...» начиналось его письмо М. П. Домбровскому в том же году [там же, 134].

по почте. Получатель мог обменять купон в ближайшем складе АРА на продуктовую посылку, состоявшую из 49 фунтов муки, 25 ф. риса, 3 ф. чая, 10 ф. жира, 10 ф. сахара, 20 банок сгущенного молока; общий вес посылки составлял примерно 53 кг⁴. Реклама посылок с перечислением содержимого публиковалась в популярных эмигрантских газетах, таких как «Возрождение» и «Последние известия».

Отправка посылок с помощью АРА из США прекратилась в марте 1923 года, из Европы — в апреле 1923 года. Однако переписка Рахманинова свидетельствует о том, что он продолжал отправлять посылки и позже. Так, 27 августа 1924 года он спрашивал Вл. Р. Вильшау: «Получаешь ли ты аккуратно посылки? Я их высылаю ежемесячно каждое первое число» [13, II, 158].

Рахманинов впервые воспользовался услугами АРА летом 1922 года. Первая партия посылок, прибывшая от него в Россию, предназначалась для учреждений культуры Москвы, Петрограда, Харькова, Киева, Нижнего Новгорода, Саратова, Одессы и Казани⁵; общая стоимость составила \$4,600. Очень скоро Рахманинов убедился в неэффективности этой системы: из письма Вильшау ему стало известно, что руководство Московской консерватории утаило часть посылок, сообщив педагогам, что их было пять, в то время как их было двадцать. Но гораздо большее расстройство Рахманинову принесла неблагодарность: «Московская консерватория — единственное учреждение, которое не удостоило меня ни словом приветия, — писал он Вильшау. — Объяснение, данное ими тебе и состоящее в том, что им неизвестен отправитель, не выдерживает никакой критики, т. к. на каждом бланке стоит мое имя. Да и как объяснить тот факт, что двое из профессоров обратились все-таки лично ко мне с благодарностью?» [там же, 129]⁶. Желая избежать подобной ситуации в дальнейшем, Рахманинов просит Вильшау сообщить ему «имена и адреса наиболее нуждающихся из профессорского персонала консерватории. В числе лиц упомяни непременно Морозова и Гедике» [там же]. В ответ на посылки, разосланные на этот раз адресно, Рахманинов получил коллективное благодарственное письмо с приветственной кантатой, музыку к которой сочинил Р. Глиэр, слова — Вл. Вильшау. Помимо 20 профессоров консерватории посылки получала также Е. Ф. Гнесина. В своих воспоминаниях она писала о событиях 1922 года: «Это было трудное время разрухи и голода. Рахманинов начал помогать московским музыкантам через американскую организацию АРА, присылая продуктовые посылки. Некоторые из них приходили в мой адрес для передачи другим лицам, в числе которых был А. Т. Гречанинов и другие, которых я не запомнила. Но однажды пришла двойная посылка лично для меня. Я была очень обрадована вниманием ко мне Сергея Васильевича и счастлива, что смогу сытно угостить весь коллектив нашего училища. Помню, что пили мы кофе со сгущенным молоком, ели белые пироги и сладкие булочки. Все были довольны и бесконечно благодарны Рахманинову» [5, 211].

О масштабе оказываемой Рахманиновым через АРА помощи красноречиво говорит письмо Кусевицкому 8 августа 1922 года: «Имена лиц, лично обратившихся ко мне за помощью, наполняют несколько листов. Я едва в состоянии

⁴ Впоследствии состав посылок был несколько изменен.

⁵ Подробный перечень учреждений с обозначением суммы см. [18, 352]

⁶ Согласно информации, приводимой З. Апетян, Рахманинов имеет ввиду благодарственные письма А. Н. Александрова (от 9 июня 1922) и К. А. Кипа (от 12 июня 1922), хранящиеся в Рахманиновском архиве Библиотеки Конгресса [13, II, 433].

отправлять им всем по одной посылке в месяц. Некоторым посылаю по одной в два месяца. Кроме того, каждая неделя приносит все новых нуждающихся» [13, II, 128]. Сам Кузевицкий посылал АРА каждый месяц 1000 франков, на которые, в зависимости от колебаний обменного курса, можно было приобрести 8 или 9 посылок. Рахманинов же, согласно спискам, отправленным сотруднику управления АРА Ф. К. Пейджу, высылал ежемесячно около 20–30 посылок. Рахманинов писал Пейджу 18 апреля 1922 года: «Согласно моей личной договоренности с Вами, я позволю себе послать Вам вместе с этим письмом два списка. Список №1 содержит 31 индивидуальный адрес и 2 коллективных адреса. Это составляет 35 отдельных посылок стоимостью по 10 долларов каждая. Прошу Вас дать распоряжение переслать их по почте 25-го апреля 1922 года. Список №2 содержит 23 индивидуальных адреса, по которым я прошу Вас пересылать продовольственные посылки по 25-м числам каждого из следующих месяцев: май, июнь и июль. Таким образом, число продовольственных посылок составит: По списку №1 — 35 посылок на сумму 350 долларов. По списку №2 — 69 посылок на сумму 690 долларов. Итого 1040 долларов. При сем прилагаю мой чек на 1040 долларов для покрытия вышеуказанной суммы» [13, I, 123]. Вероятно, эти же списки фигурируют в письме Рахманинова Е. К. и Е. И. Сомовым 27 января 1923 года: «Сходите с прилагаемым чеком и распорядитесь, чтобы на эту сумму были посланы посылки тем же лицам, которым я посылал в конце декабря. Ни имен, ни всех лиц я, конечно, не помню, но надеюсь, что Am[erican] Relief [Administration] мне поможет. Помню только, что сумма была та же, которую при сем прилагаю» [13, II, 136–137].

Осенью 1925 года к Рахманинову обратился М. М. Федоров⁷ с просьбой найти в Америке фонд, способный оказать финансовую помощь созданному им в сентябре 1922 года «Комитету по обеспечению высшего образования юношеству за границей» (известен также как Фонд Федорова). Обстановку в Европе он описывал как критическую: «Французское правительство сократило оказываемый нам на выдачу стипендий русским студентам кредит, сохраняя стипендии лишь тем русским студентам, которые их уже ранее получали, до окончания ими своего курса. В Бельгии и Чехословакии тоже решено новых стипендиатов не принимать. Частные жертвователи все более устают от длительной помощи русскому учащемуся юношеству и один за другим отходят» [13, II, 459]. Рахманинов ответил, что в Америке существует несколько фондов, преследующих сходные цели, однако их финансовые возможности очень ограничены: «и здесь нужда велика, и здесь нужные расходы покрываются с трудом пожертвованиями» [там же, 181].

Осведомленность Рахманинова в данном вопросе не была поверхностной. Сам он с 1921 года сотрудничал с одной из таких организаций — «Комитетом помощи учащейся русской молодежи в эмиграции» (*Committee for the Education of Russian Youth in Exile*), базировавшейся в Бостоне и имевшей свои представительства во Франции (Лилль) и Болгарии (София). Директором фонда был археолог Томас Виттемор, а основным корреспондентом Рахманинова — казначей Сет Томас Гано⁸. С 1921 по 1926 годы Рахманинов вносил в фонд ежегодный

⁷ Федоров Михаил Михайлович (1858–1949), государственный и общественный деятель России, министр торговли и промышленности в правительстве С. Ю. Витте.

⁸ Переписка С. В. Рахманинова с С. Т. Гано, охватывающая период с 1921 по 1932 годы, хранится в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк). Последнее из писем Рахманинова в адрес фонда датируется 1 февраля 1932 года и содержит извещение об отправке чека на 100 долларов. О дальнейшем сотрудничестве Рахманинова

взнос в размере 100 долларов. Но в 1926 году по инициативе композитора форма помощи изменилась: «Я слышал, что во Франции есть пансионаты, содержание в которых одного ребенка в год обходится в 150 долларов. Если информация верна, то я хотел бы взять на себя заботу об одном ребенке, и был бы вам признателен, если бы вы выбрали его для меня и прислали информацию — его имя, возраст и краткую биографию. После этого я вышлю вам чек»⁹. Предложение Рахманинова было немедленно принято: «Наш комитет поддерживает около 400 русских студентов в Европе и на Ближнем Востоке, учредив дома для студентов в Лилле и в Софии (Болгария). Высылаю вам фотографию Павла Милованова (Paul Milovanoff), являющегося студентом химического факультета Университета в Софии. <...> Он очень способный и особенно увлекается прикладной химией, и проявит себя в будущем»¹⁰.

Так у Рахманинова появился первый стипендиат. Он высылал 150 долларов в год до окончания Миловановым обучения в Софии, а затем и стажировки во Франции, которую тот получил благодаря успехам в учебе. Рахманинов интересовался судьбой своего подопечного, прося фонд регулярно высылать информацию о нем. С 1930 года стипендиатом Рахманинова становится Николай Цицерошин, студент медицинского факультета, на оплату обучения которого Рахманинов также ежегодно высылает 150 долларов¹¹.

Однако и просьба Федорова не осталась без внимания: его фонд помогал Рахманинову в проведении благотворительных концертов в Париже (обеспечивая рекламу и продажу билетов) и входил в число нескольких благотворительных организаций, между которыми распределялась чистая выручка. Так, согласно отчету, опубликованному в «Последних новостях» 27 марта 1937 года, из 45 872 франков чистого сбора 10 000 франков ушло в «Комитет» для помощи студентам (см. [13, II, 542]). «Комитет» сыграл большую роль в социальной адаптации эмигрантской молодежи. Согласно данным, приводимым Н. В. Кураминой, «к 1 апреля 1924 г. Из 1,5 тысяч русских студентов во Франции 550 человек обучалось в вузах, а 441 получил стипендию, обеспечивался выезд эмигрантской молодежи из Болгарии, Польши, Эстонии и других “окраин” российского зарубежья в Париж и Прагу и ее устройство в высшие учебные заведения. В начале 1930-х гг. комитет назначал до 300–400 стипендий в год, позднее его активность стала спадать, а к 1936 г. фактически замерла» [9, 9]. Таким образом, именно в кризисные для «Комитета» годы он получил поддержку Рахманинова. Нужно добавить, что «Комитет» поддерживал также друг и коллега Рахманинова — С. А. Кусевицкий.

Помогал Рахманинов и русским студентам в Берлине. Так из письма И. В. Гессену от 27 декабря 1928 года узнаем, что в адрес «Общества помощи русским гражданам в Берлине» Рахманиновым был выслан чек на сумму 700 марок, из которых 500 предназначались на нужды общества, а 200 — для двух студентов, Ф. Н. Киселева и Р. Долинского¹². «Этим двум студентам я буду высылать по 100

с «Комитетом помощи учащейся русской молодежи в эмиграции» в Бостоне информации нет. Копия переписки находится в Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки. ВМОМК им. Глинки, н-в ф. Ед. хр. 967–994. 28 л.

⁹ Письмо на адрес комитета от 29 ноября 1926 года.

¹⁰ Письмо С. Т. Гано датировано 3 декабря 1926 года.

¹¹ В Архиве Рахманинова содержатся письма Цицерошина, адресованные композитору [18, 216].

¹² Вот что сообщает о них И. Гессен: «Долинский Ростислав — студент Берлинского университета, родился в Варшаве 2 мая 1906 г. Среднее образование получил в Нов-

марок вплоть до окончания ими учения осенью 1929-го года», — сообщал Рахманинов [13, II, 246]. В продолжении письма Рахманинов со свойственным ему деловым подходом просил Гессена выслать подтверждающий взнос средств документ: «Мне необходимо, однако, в целях получения возможности списывать жертвуемые суммы с моего подоходного налога, получать каждый раз официальные расписки какого-либо благотворительного учреждения в получении от меня этих пожертвований. Посылая указанный выше чек на 700 марок, я прошу Вас провести его хотя бы через О[бщест]во помощи русским гражданам в Берлине и прислать мне их официальную расписку» [там же].

Среди фондов, с которыми взаимодействовал Рахманинов был также «Русский студенческий фонд». О степени участия Рахманинова в делах фонда можно узнать из письма А. Р. Уирена от 1 апреля 1925 года: «...кто же лучше меня знает не только Вашу щедрость, но и особенное внимание, с которым Вы относитесь к делу? <...> Я знаю, что у Вас очень мало времени, но надеюсь, что у Вас, возможно, иногда найдется время просматривать отчеты, которые мы будем продолжать постоянно посылать Вам» [13, II, 455].

Примечательно, что среди поддерживаемых Рахманиновым учащихся были химики, медики, экономисты и математики. Среди студентов-музыкантов — Алексей Антонов (Парижская консерватория) и Барсов (Венская консерватория). Упоминание о еще одном студенте консерватории находим в письме к Е. Сомову 1930 года: «Будьте добры написать стипендиату Булатникову, — писал Рахманинов, — что пока я не получу о нем сведения — непосредственно от директора консерватории, которого увижу в декабре в Берлине, — денег посылать ему не буду. Рекомендация, данная ему его учителем Hofmann'ом, представляется мне подозрительной» [там же, 290]. Из этого письма видно характерное для Рахманинова желание не просто давать деньги, а детально изучать информацию о своих стипендиатах, интересоваться их успехами и судьбой. Дальнейших сведений о Булатникове в доступных нам источниках обнаружить не удалось; стал ли он стипендиатом Рахманинова, неизвестно.

Еще один стипендиат-музыкант — композитор Юрий Арбатский (1911–1963) — писал в своей вышедшей в 1956 году в Нью-Йорке книге по истории русской музыки: «Мне кажется, я не слишком выйду за границы исторического повествования, указав на человечность Рахманинова, свойство, о котором он сам стыдился упоминать и требовал и от других целомудренного молчания. Переступая через строгий запрет Сергея Васильевича, я не чувствую — да простит мне покойный — ничего, кроме сугубого удовлетворения. Последний, за счет своих личных средств, дал образование многим и очень многим музыкантам из среды русской эмиграции, а также способствовал тому, чтобы они твердой ногой встали на почву действительности как западной Европы, так и северной Америки» [1, 365].

городе-Северском Черниговской губернии, затем в Киевской 8-й гимназии, в городе Анапе в реальном училище Кузьминой (с 1919). Закончил его уже в 1924 г., сдав экзамены на аттестат зрелости в Берлине. В Берлинский университет поступил в 1926 г. сначала вольнослушателем. Склонность к математике. Обнаруживает исключительные математические способности. Киселев Федор Никитич — студент Высшей торговой школы, родился 10 сентября 1897 г. в селе М. Долина Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Был студентом Московского коммерческого института. В 1923 г. вступил в число слушателей Русского научного института в Берлине. Окончил этот институт в 1926 г. Летом 1929 г. предполагает приступить к окончательным испытаниям» (ЛС.МЛ.30.55; цит. по [13, II, 493–494]).

Из ранее не публиковавшегося письма М. М. Федорова, адресованного Рахманинову, можно узнать о еще одном благотворительном деле композитора:

«Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич,

На этих днях ко мне заехала мисс Кlover и просила меня передать Вам ее усердную просьбу помочь ей еще некоторое время сохранить для своего дела Софью Михайловну Зернову, которую она успела за время работы с нею вполне оценить.

Я обещал ей исполнить эту ее просьбу и написать Вам, а два дня тому назад получил от нее письмо, которое Вам и пересылаю.

Могу сказать, что дело подыскания мест для русских безработных Комитетом мисс Кlover действительно развернулось благодаря участию в этом деле С. М. Зерновой, и было бы очень жалко, если бы Зерновой пришлось уйти из Комитета и искать себе другой работы.

Я рад был бы и сам найти средства на оплату труда Зерновой в Комитете, но сейчас материальное положение всех организаций, помогающих безработным, настолько тяжелое, что и думать нечего найти у них на это деньги. С величайшим трудом собираем мы общими усилиями небольшие суммы на отправку безработных на сельскохозяйственные работы и подкармливание и ночлег остающихся пока без труда в Париже.

Я не знаю, конечно, возможно ли беспокоить и Вас этой просьбой, но если бы Вы смогли оказать еще на полгода денежную поддержку на оплату труда Зерновой, Вы бы оказали большую услугу делу помощи безработным»¹³.

С. М. Зернова (1899–1972) оказалась в эмиграции в 1921 году. С 1925 года жила в Париже. Принадлежала к основателям Русского студенческого христианского движения за рубежом (РСХД). В 1925 году создала Центр помощи русским беженцам в Париже, сотрудничала с Комитетом мисс Кlover с 1932 по 1934 год. С 1948 по 1951 работала секретарем ИРО (международный орган для помощи беженцам) [17, 255]. На близкое знакомство Зерновой с семьей Рахманиновых указывает тот факт, что она вместе с дочерью присутствует на видеохронике 1929 года, снятой во время летнего отдыха композитора в Клефортен (Рамбуйе). Согласно комментариям Б. Ф. Шаляпина, Зернова — приятельница дочерей Рахманинова — Татьяны и Ирины.

Упомянутый в письме «Комитет мисс Кlover» — это «Бюро по приисканию труда для русских», учрежденное при Российском общевойском союзе в Париже. Этот Комитет упоминается в списке организаций, между которыми была распределена выручка от благотворительного концерта Рахманинова в Париже 16 марта 1932 года. Федоров в статье «Отчет по концерту С. В. Рахманинова», опубликованной в «Последних новостях» 27 марта 1932 года, писал: «Остаток этот вручен мне С. В. Рахманиновым при письме, в котором он просит: 2500 франков передать председателю Русского музыкального общества на помощь бедствующим от безработицы русским музыкантам. 10000 франков передает в мое личное распоряжение на помощь состоящим на попечении Центрального комитета студентам, также страдающим от безработицы; 5000 франков просит передать мисс Кlover, председательнице бюро по приисканию труда

¹³ Неустановленные лица. Письма Рахманинову С. В. (с просьбой о материальной помощи). Париж, 13 сент., б. д., 1932, февраля 8. 3 ед. ВМОМК им. Глинки, н-в ф. Ед. хр. 1012–1014. Копия. Оригинал находится в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк); дата письма в копии не просматривается, но, судя по ответу Рахманинова, оно написано летом 1932 года не позднее 14 июля.

для русских безработных; 2500 франков — Н. В. Дмитриеву для Русской консерватории имени С. В. Рахманинова при Народном университете. Вся остальная сумма — 25 872 франка 05 с. — передана мне для распределения согласно решению состоящей под моим председательством комиссии, объединяющей деятельность русских организаций, помогающих русским безработным. Доводя до общего сведения этот отчет, считаю своим долгом принести еще раз глубочайшую благодарность Сергею Васильевичу за его щедрый жертвенный дар в пользу русских безработных во Франции» [13, III, 542].

На что именно пошли упомянутые 5000 франков, мы узнаём из ответного письма Рахманинова, написанного им на бланке Сенара 14 июля 1932 года:

«Дорогой Михаил Михайлович,
Перед тем как Вам дать ответ на Ваше письмо разрешите Вам задать несколько вопросов:

- 1) Какую сумму я дал в конце марта на Комитет безработных мисс Кловер.
- 2) Какое жалование получает Софья Михайловна.

Мне кажется, что я дал 5.000 фр. и что жалование Софьи Михайловны 1.000 фр. в месяц. Таким образом сумма эта могла быть израсходована только к 1 Сентября. В своей памяти не уверен, а посему и прошу Вашего подтверждения. По видимому я ошибся, иначе Вы меня не просили бы о дальнейшей присылке денег так рано или м. б. мисс Кловер хочет узнать о моем решении до своего отъезда в Америку»¹⁴.

Как видим из письма, помощь была оказана адресная: Рахманинов фактически взял на себя оплату жалования Зерновой. Очевидно, что перед нами скорее не исключение, а привычная для музыканта практика.

Значительно теснее, чем в России, стали отношения Рахманинова со старшим поколением композиторов, оказавшихся в эмиграции. Полностью творчески сформировавшись, получив известность и признание еще на родине, они оказались отдалены от соотечественников, карьера которых началась уже за рубежом. Будучи менее подверженными влиянию окружающей музыкальной среды, так называемому «модернизму», они оказались и менее открыты для обретения нового круга знакомств. Не случайно такие персоны, как А. Глазунов, Н. Метнер, Н. Черепнин и А. Гречанинов, часто упоминаются вместе с Рахманиновым: они входят в состав одних и тех же комитетов, находятся в числе лиц, причастных к обоим русским консерваториям в Париже, их имена олицетворяли для русской колонии классическую русскую музыку.

Многим известно о непосредственном участии А. К. Глазунова в одном из самых драматичных событий творческой биографии С. В. Рахманинова: провале Первой симфонии¹⁵. Зачастую исследователи винят в неудаче Глазунова¹⁶, говоря о том, что исполнение было плохо отрепетированным, непродуманным по форме, что Глазунов дирижировал вяло. Сам Рахманинов писал в это время

¹⁴ Письмо находится в том же фонде, что и публикуемое выше письмо М. М. Федорова.

¹⁵ Премьера Первой симфонии Рахманинова (ор. 13, d-moll) состоялась 15 марта 1897 года в Петербурге в рамках «Русских симфонических концертов».

¹⁶ Брянцева приводит слова дирижера А. Хессина: «Симфония была недостаточно репетирована, оркестр “штался”, отсутствовала элементарная устойчивость в темпах, многие ошибки в оркестровых партиях оказались не исправленными, а главное, поражала мертвая, внешняя, формальная передача без проблесков увлечения, подъема и яркости оркестрового звучания!» [3, 254].

Затаевичу: «Или я, как некоторые авторы, отношусь незаслуженно пристрастно к этому сочинению, или это сочинение было плохо исполнено. А это действительно было так. Я удивляюсь, как такой высокоталантливый человек, как Глазунов может так плохо дирижировать? Я не говорю уже о дирижерской технике (ее у него и спрашивать нечего), я говорю об его музыкальности. Он ничего не чувствует, когда дирижирует. Он как будто ничего не понимает!» [13, I, 261–262]. О том, что обида на Глазунова за провал симфонии не окончательно прошла в семье Рахманиновых даже спустя 36 лет, говорит почти анекдотический случай, относящийся к 1933 году. Вспоминая в разговоре со Сваном визит Рахманинова к Толстому после провала Симфонии, жена композитора Наталия утверждала, что «Глазунов был пьян, когда дирижировал ею» [14, 209].

Значительно менее в отечественном музыковедении известен факт тесного общения композиторов за рубежом во время эмиграции.

Злополучная премьера не повлияла на взаимоотношения двух музыкантов. Переписка Рахманинова с Глазуновым этих лет продолжает носить уважительный и почтительный характер. В 1898 году Рахманинов сделал четырехручное переложение его Шестой симфонии. А в эмиграции Рахманинов неизменно доброжелательно отзывался о Глазунове как музыканте. Так, К. Сомов записал в своем дневнике 9 сентября 1928 года: «С. В. говорил со мной <...> о Глазунове, которого он очень ценит» [16, 583]. В 1926 году Глазунов прислал Рахманинову ответ на полученный им из Америки поздравительный адрес, «покрытый многочисленными подписями всемирно известных дорогих мне музыкантов, отечественных и иностранных» [13, III, 405]. Рахманинову он делегировал передать свою благодарность заокеанским коллегам, что говорит о не прервавшемся общении двух музыкантов. Глазунов обращался к Рахманинову и с другими просьбами. Например, в 1925 году Глазунов просил Рахманинова помочь в трудоустройстве Александра Чеснокова, брата известного композитора, автора духовной музыки Павла Чеснокова¹⁷.

В эмиграции Глазунов оказался на одиннадцать лет позже Рахманинова. Он выехал за границу 15 июня 1928 года для участия в составе жюри композиторского конкурса к 100-летию со дня смерти Ф. Шуберта, проходившего в Австрии. Командировка, рассчитанная на три месяца, затянулась на восемь лет, до самой смерти композитора. В Россию Глазунов уже не вернулся, ссылаясь на различные обстоятельства, связанные, прежде всего, со здоровьем¹⁸.

И если в России Глазунов был маститым музыкантом, профессором Петербургской консерватории (а с 1905 года и ее директором), а Рахманинов — молодым неизвестным композитором, то в эмиграции роли меняются. Рахманинов — всемирно известный пианист и композитор, в то время как Глазунов уже мало знаком европейской публике, и его творчество имеет большое значение только для представителей русской колонии. Об этом выразительно говорит обстановка на сольных парижских концертах Глазунова и Рахманинова в 1928 году. Для

¹⁷ См. письмо А. К. Глазунова С. В. Рахманинову от 12 марта 1925 года [13, I, 403]. Шаги, предпринятые Рахманиновым для исполнения просьбы коллеги неизвестны, однако известно, что А. Г. Чесноков в Америке никогда не работал. В 1925 году он выехал в Прагу, где руководил Всестуденческим русским хором имени А. А. Архангельского, в 1927 году переехал в Париж, где работал редактором и аранжировщиком в музыкальном издательстве *Salabert*, читал лекции по церковному пению и теории музыки в Русской консерватории и Свято-Сергиевском православном богословском институте.

¹⁸ Подробнее об этом см. [12].

обоих музыкантов это был своеобразный «дебют» в Париже: у Рахманинова первое выступление после 1907 года, когда он участвовал в «Русских исторических концертах», организованных Дягилевым; у Глазунова — первое выступление в качестве «советского» гостя¹⁹. Прокофьев в дневнике записал после концерта Глазунова 19 декабря 1928 года: «Народу немного, французов почти никого, больше русских — не сравнить с помпезным концертом Рахманинова» [11, 657]. Действительно, концерт Рахманинова стал событием не только для русской колонии в Париже, но и для европейской публики, интерес которой был подогрет успехами американских выступлений пианиста. Присутствовал на нем и Глазунов.

В 1929 году Глазунов выехал из Парижа в Америку на гастроли, продолжавшиеся с 6 ноября 1929 года по 1 марта 1930 года. Приезд Глазунова был обставлен соотечественниками с американским размахом: о нем сообщали в выпусках самой авторитетной газеты русской Америки «Новое русское слово»; по инициативе Общества «Друзей Русского искусства» был сформирован «Комитет чествования и встречи Глазунова», в который вошли видные русские эмигранты; в честь Глазунова был устроен прием в элитном артистическом клубе *The Bohemians* (3 января 1930 года); музыку композитора транслировали по радио. Рахманинов на концертах Глазунова не мог присутствовать, за исключением генеральной репетиции в Чикаго (20 декабря 1929 года), на которой был в обществе А. Зилоти и А. Гречанинова.

Финансовый итог гастролей, несмотря на успех у публики, оказался невелик. Связано это было не только с болезнью Глазунова, приведшей к отмене ряда концертов, но и с тем, что композитор стал жертвой мошенничества А. Гудмана, от которого пострадали также Н. Метнер и В. Горовиц. Схему махинации в случае с Метнером описал А. Сван: «По совету заведующего концертным бюро фирмы Стейнвей и сыновья А. В. Грейнера, А. М. Метнер основную часть денег, заработанных Н. К. Метнером концертными выступлениями, поручила перечислить в один из французских банков некоему А. Гудману. Чек на сумму 2500 долларов, выданный Гудманом, оказался фальшивым. Ничего не подозревая, Метнеры представили американский чек во французский банк, и им было заявлено, что он “sans provisions” — то есть, что никакого вклада денег не было» [10, 147]. Тогда на помощь Метнерам пришел Рахманинов: выкупив фальшивый чек, он фактически оплатил Метнерам гастроли. Оказавшийся в подобной ситуации и оставшийся без денег Глазунов смог вернуться в Европу только благодаря финансовой помощи Рахманинова и Зилоти.

В воспоминаниях Свана содержится еще один факт об американских гастролях Глазунова. Во время встречи 18 февраля 1930 года Рахманинов рассказал ему, что Глазунов «заработал две тысячи долларов — за четыре выступления в качестве дирижера, по пятисот долларов за каждое, — но истратил все в Америке. Ну, мы и собрали для него еще две с половиной тысячи. Дали ему заказ на квартет. Я спрашивал его, как подвигается квартет, говорит: написал одну треть» [14, 195].

Седьмой струнный квартет ор. 107 *S-dur*, действительно, был заказан Глазунову во время американского турне скрипачом Жаком Гордоном, состоявшем в квартетном обществе Чикаго и возглавлявшем струнный квартет своего имени.

¹⁹ В Париже Глазунов ранее выступал в 1889 году, это был его европейский дебют в качестве дирижера. После революции Глазунов не прекратил концертные поездки за границу: известно о его концерте в 1921 году в Берлине.

В партитуре Седьмого квартета Беляевского издательства значится посвящение: *To the Gordon String Quartet*. К написанию квартета Глазунов приступил уже по пути из Америки в Европу: в письме Л. Николаеву от 21 февраля 1930 года, написанном на борту парохода *Rochembeau*, Глазунов сообщал: «Получил предложение сочинить квартет, над которым работаю усердно, правда, урывками. Первую часть в несколько классическом стиле сочинил и записал. Для остальных имею материалы» [4, 399]. Квартет был завершен в июле 1930 года, но деньги за него Глазунов получил не сразу. В письме Я. Вольфману от 17 сентября 1930 года он жалуется: «Лицо, заказавшее мне квартет, задолжало мне 500 долларов, на которые я летом рассчитывал. Словом свинство!» [там же, 402].

После возвращения Глазунова из Америки Рахманинов неоднократно предлагал ему материальную помощь. «В продолжение последних пяти лет моего пребывания за границей ты был ко мне так дружески предупредителен, что дважды спросил меня, не нуждаюсь ли я в деньгах» [13, III, 409], — писал Глазунов 20 сентября 1932 года. Со временем здоровье Глазунова ухудшалось, концертная и композиторская деятельность не приносили необходимого дохода для содержания семьи, которая в эти годы состояла из жены, Ольги Николаевны, и приемной дочери Елены Гавриловой. И Глазунов решился обратиться за помощью к Рахманинову: «...после перенесенной мною изнурительной болезни я должен признаться, что я действительно стал нуждаться. Поэтому я решил обратиться к тебе, опираясь на твои дружеские слова, и просить тебя помочь мне, одолжив заимобразно на время некоторую сумму» [там же]. Сумма, которую просил Глазунов, составляла 20 тыс. франков. Рахманинов столь крупную сумму одолжить Глазунову не мог, однако сразу же выслал чек на 5 тыс. франков и обещал добавить еще 5 тыс. в дальнейшем. Поблагодарив Рахманинова за помощь, Глазунов обещал: «возврат долга своего я гарантирую по моем выздоровлении из того же источника», — подразумевая свой единственный источник дохода в это время — авторские отчисления из *Société des auteurs et compositeurs dramatiques*²⁰. Обещание это ему не суждено было выполнить; впрочем, Рахманинов, скорее всего, на это и не рассчитывал.

Отношения между Рахманиновым и Глазуновым не ограничивались только финансовой помощью. Если судить по письмам Глазунова²¹, Рахманинов интересовался творческими планами старшего коллеги, его здоровьем, навещал во время пребывания в Париже. Глазунов умер 21 марта 1936 года, а на сохранившемся в архиве Рахманинова письме Глазунова от 28 января 1936 года есть пометка, сделанная Рахманиновым: «Последнее письмо Глазунова».

Деятельность Рахманинова по поддержке соотечественников не прекращалась даже в тяжелые в финансовом отношении и для самого композитора годы. Он продолжал перечислять денежные средства и в годы великой депрессии, и в конце тридцатых годов, когда шло строительство Сенара. Даже страдая от многочисленных недугов, Рахманинов старался как можно реже отменять концерты, понимая, что доход от них является средством к существованию не только для него и его семьи, но и для других зависящих от него людей.

²⁰ «Общество драматических авторов и композиторов» (франц.).

²¹ Письма Рахманинова к Глазунову этого периода не сохранились.

Использованная литература

1. *Арбатский Ю. И.* Этюды по истории русской музыки. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. 412 с.
2. *Бажанов Н. Д.* Рахманинов. М.: Молодая гвардия, 1962. 445 с.
3. *Брянцева В. Н.* С. В. Рахманинов. М.: Советский композитор, 1976. 135 с.
4. *Глазунов А. К.* Письма, статьи, воспоминания. Избранное / сост., вст. ст. и примеч. М. А. Ганиной. М.: Музгиз, 1958. 550 с.
5. *Гнесина Е. Ф.* О Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. / сост., ред., предисл., коммент. и указ. З. А. Апетян. Т. I. М.: Музыка, 1988. С. 205–211.
6. *Зверева С. Г.* Рахманинов и современники. Зарубежные архивные находки // Новое о Рахманинове: Сб. статей / ред.-сост. И. А. Медведева. М.: Дека-ВС, 2006. С. 13–32.
7. *Зверева С. Г.* Благотворительная деятельность Сергея Рахманинова в отношении Русской Православной Церкви // С. В. Рахманинов — национальная память России. Материалы IV международной научно-практической конференции. 26–28 мая 2008 г. Тамбов, 2008. С. 23–33.
8. *Казьмина Е. О.* Благодеяние, милосердие, благотворительность — составляющие нравственный облик С. В. Рахманинова // II Рахманиновские чтения. С. В. Рахманинов и Тамбовский край в аспекте развития региональной культуры. Материалы докладов. Тамбов, 2006. С. 63–81.
9. *Курамина Н. В.* Высшая школа в зарубежной России. 1920–1930-е гг.: Монография. М.: [б. и.], 2003. 117 с.
10. *Метнер Н. К.* Воспоминания. Статьи. Материалы / сост.-ред., автор вст. ст., коммент., указат. З. А. Апетян. М.: Советский композитор, 1981. 352 с.
11. *Прокофьев С. С.* Дневник, 1907–1933: в 3 ч. Ч. 2: 1919–1933. Р.: sprkfv, 2002. 892 с.
12. *Проскурина И. Ю.* А. К. Глазунов в музыкальной культуре русского зарубежья (опыт исторической и стилевой реконструкции): дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2010. 268 с.
13. *Рахманинов С. В.* Литературное наследие: в 3 т. / сост., ред., автор вст. ст., коммент., указат. З. А. Апетян. Т. I: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. М.: Советский композитор, 1978. 648 с.; Т. II: Письма. М.: Советский композитор, 1980. 584 с.; Т. III: Письма. М.: Советский композитор, 1980. 574 с.
14. *Сваны А. Дж. и Е.* Воспоминания о С. В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. / сост., ред., предисл., коммент. и указ. З. А. Апетян. Т. II. М.: Музыка, 1988. С. 184–215.
15. *Соколова О. И.* Сергей Васильевич Рахманинов. Изд. 3-е. М.: Музыка, 1987. 156 с.
16. *Сомов К. А.* Письма. Дневники. Суждения современников / сост., вступ. ст. и примеч. Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М.: Искусство, 1979. 624 с. (Мир художника)
17. Энциклопедия Русской эмиграции. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века / ред. В. Шелохаев. М.: РОСПЭН, 1997. 748 с.
18. *Gehl Robin S.* Reassessing a Legacy: Rachmaninoff in America, 1918–1943. Ph. D. University of Cincinnati, 2008. 354 p.